

15 СЕН. 1956

Г А С Т Р О Л И Ф Р А Н Ц У З С К О Г О
 НАЦИОНАЛЬНОГО
 НАРОДНОГО ТЕАТРА

« Д О

Два года назад москвичи смотрели в исполнении актеров «Комеди франсез» два мольеровских спектакля — «Тартюф» и «Мещанин во дворянстве». Мы увидели тогда два разных подхода к Мольеру: в «Тартюфе» было дано традиционное классическое толкование, в «Мещанине» проявилось стремление режиссера и актеров посмотреть на классическое произведение глазами современных художников. И вот теперь третий мольеровский спектакль показал в Москве Национальный народный театр, начавший свои выступления на сцене Малого театра.

Приехавший коллектив предлагает нам новое интересное и своеобразное толкование Мольера в приеме условного народного театра. В зрительном зале нет занавеса. Спектакль начинается еле слышной музыкой, напоминающей таинственные перезвоны католических церквей. В центре сцены небольшая площадка, по краям черные бархатные стулья, несколько стульев. Актеры часто произносят текст роли, адресованный по действию партнерам, непосредственно в зрительный зал. За всей этой условностью чувствуется органическое прочтение пьесы великого драматурга. Эта манера идет от традиции молодого театра, руководимого талантливым режиссером и актером Жаном Виларом.

У театра установился тесный контакт с демократическими слоями французского народа. Судьба молодого театра, родившегося в наше время, шла по тому же пути, что и три века назад судьба Мольера — истинного родоначальника французского театра. Как драматург и актер, Мольер воспитывался в народе. Перед его глазами прошли бродячие труппы, с прекрасными актерами, умевшими увлекать непосредственного народного зрителя, прошли балаганы, кукольные театры, пантомимные действия, искусство знаменитых нормандских пикарей Гро-Гильома и Тюрлюпена, сочинявших злободневные веселые игровые песенки, восхищавшие народ.

Зарожденное на улицах и площадях, искусство оставалось народным и в те дни, когда слово писателя зазвучало вопреки аристократам под сводами дворца «Короля солнца». «Дон-Жуан» появился

вскоре после запрещения «Тартюфа». Создавая его, Мольер не щадил иронических, сатирических красок; в то же время он придал своему герою черты смелости, своеобразного благородства и храбрости. Получился исключительно многогранный реалистический образ и самого Дон-Жуана, и особенно его слуги Сганареля, слопно взтого из спектаклей импровизационной комедии «масок».

Актеры Жан Вилар, играющий Дон-Жуана, и Даниэль Сорано в роли Сганареля создают сценические образы в соответствии с духом мольеровской комедии. Дон-Жуан у Жана Вилара обаятелен и бессердечен, изящен и грубоват, несколько жеманен в манерах, но мы чувствуем, что шпага в его руках не забава, а смертельная угроза для врага. Жан Вилар показывает живой характер, интересный и глубокий по трактовке: это соединение беспечности и легкомыслия с серьезным и большим умом.

Мольеровский Дон-Жуан жестоко шутит над голодным нищим, предлагая ему монету за богохульство. Когда же нищий отказывается, он все же дает ему луидор. Жан Вилар берет в основу характеристики образа знаменитую фразу роли: «Я верю... что дважды два — четыре, а дважды четыре — восемь». Первое появление статуи Командора, кивок ее головы в ответ на приглашение к ужину вызывает ужас у Дон-Жуана. Жан Вилар прекрасно заканчивает эту сцену: усилием воли Дон-Жуан заставляет себя вернуться к статусу и постоять перед ней несколько секунд, помахивая той самой шпагой, которая нанесла Командору смертельную рану.

Сганарель в исполнении Даниэля Сорано — простой, наивный и непосредственный человек, схожий с Санчо Пансой из «Дон-Кихота». Жизнь Сганареля рядом с неутомимым нескателем приключений сложна, опасна, полна лишений, скитаний. Но Сганарель у Даниэля Сорано, видя и осуждая недостатки своего хозяина, по-своему любит его и не находит в себе силы воли расстаться с ним, в конце спектакля, когда чаша терпения у Сганареля переполнилась,

Н - Ж у а н »

Правда, у Мольера появляется фигура, закутанная в черный плащ, кото-

Даниэль Сорано с большим темпераментом проводит монолог, в котором его герой пробует использовать последние доказательства, чтобы образумить своего господина. «Если и это не проняло вас, пеняйте на себя», — говорит слуга.

Эта сцена в исполнении Жана Вилара и Даниэля Сорано, как и сцена, великолепно разыгранная ими же с актером Жан-Поль Мулино (господин Димашп), где комедийный диалог доведен до виртуозной четкости, вызывает у зрителя горячие аплодисменты.

Но не только комедийные дарования мужской части труппы увидели мы в этом спектакле. Нас увлекло и талантливое исполнение актрисой Моникой Шометт драматически трактованного ею и режиссурой образа жестоко обманутой и поруганной в своих лучших чувствах Эльвиры. Монолог девушки, призывающей Дон-Жуана опомниться, был произнесен актрисой с большим драматическим волнением. Мы чувствовали, что несчастная жертва Дон-Жуана находит в себе силы забыть личное горе во имя спасения любимого человека. Подобные образы хороших и честных женщин, олицетворяющих лучшие стороны народного характера, встречаются в ряде пьес Мольера и противопоставляются отрицательным образам.

Роли простых крестьянских девушек Шарлотты и Матюрины испринуженно играют молодые обаятельные актрисы Зани Кампани и Кристиан Минаццоли.

Все, что идет от народности Мольера, от традиций народного театра, разрешается в спектакле в духе близкого советскому зрителю понимания творчества великого французского поэта. Но есть в спектакле и элементы условного театра, идущие, на наш взгляд, не от истинных вечных источников французской и мировой культуры. Это некий модернизм, возникающий от символической трактовки отдельных эпизодов. Это кое-где притусенный таинственный свет, это появление призрака женщины в черном, с черепом вместо головы; это судорожно сжатая в испуге рука Дон-Жуана в финальной мизансцене.

рая затем становится символической фигурой Времени с косою в руке, и Дон-Жуан умирает. Но вспомним, как описана смерть у Мольера: «Молния, сопровождаемая сильным ударом грома, поражает Дон-Жуана: земля разверзается и поглощает его; из места провала вырывается большое пламя».

Мы видим здесь театральные приемы, типичные для старинного театра: использование машинерии и отнюдь не символический образ наказанного «потусторонними силами» Дон-Жуана. Наказание Дон-Жуана определяется словами Сганареля, в которых заметно, как сводит концы с концами умный Мольер, стремившийся сохранить в репертуаре своего театра «Дон-Жуана». Драматург дает в конце пьесы до нарочитости обычные слова: «Какая страшная кара постигла моего господина за безбожие». Это была явная подачка цензуре и придворному миру, особенно ожесточившемуся на Мольера после «Тартюфа».

Сделанные замечания не могут изменить нашего признания в целом талантливой творческой работы популярного в Париже театра. Высокая культура театра Жана Вилара сказывается и в лаконичном оформлении спектакля, и в великолепных по форме и краскам костюмах, выполненных по эскизам Леона Гиппи, и в музыке Мориса Жарра. Горячие аплодисменты зрительного зала — лучшее свидетельство творческого успеха наших гостей.

Обмен театральными коллективами между Францией и СССР становится прекрасной традицией. В свое время выступал в столице Франции Московский Художественный театр имени Горького. Еще раньше, в 1928 году, по приглашению основателя Народного национального театра Фирмена Жемье, побывавшего в Советском Союзе, выступал в Париже вахтанговский театр. Недавно московские зрители и театральные деятели принимали коллектив «Комеди франсез», а теперь с радостью встречают популярный «ТНП» — «Национальный народный театр».

Рубен СИМОНОВ,
Народный артист СССР.